

нако остаются еще большие разрывы в нашей социальной организации, особенно между нашими производителями и социальной службой, которую они выполняют. У нас есть группы, которым порой приходится удостоверяться в своем самоуважении через борьбу. Профсоюзы и работники сохраняют свою солидарность, т.е. свое чувство общей самости, прибегая к механизму вражды, т.е. угрожая забастовками и локаутами. За этим стоит неспособность работника реализовать себя в том социальном процессе, в который он вовлечен. Там, где такая ситуация обостряется, люди, если только смогут, всегда будут связывать себя воедино враждебными организациями, дабы осознать свои общие цели и задачи и, тем самым, обеспечить себе самость, в которой общество им отказывает. Люди всегда будут ревностно поддерживать и охранять этот механизм, чтобы удостоверяться в самих себе. Мы избавимся от механизма войны лишь тогда, когда наша общая жизнь позволит индивиду идентифицировать собственные цели и задачи с целями и задачами того сообщества, частью которого он является и которое даровало ему его Я.

Примечание

1. Во веки веков (лат.). — *Прим. перев.*

Пер. с англ. В.Г. Николаева

ГАЭТАНО МОСКА

РЕВОЛЮЦИИ*

I. Характер революций в древнегреческих городах и в средневековых коммунах. — II. Гражданские войны и революции в Древнем Риме, в феодальной Европе и в мусульманских странах. — III. Революции в Китае. — IV. Восстания общенационального масштаба. — V. Сельские восстания в Европе. — VI. Типичные революции в современной Франции. — VII. Условия успеха этих революций.

I. Мы выяснили, каким путем формируются и утверждаются идейные течения, чувства и страсти, которые обычно влияют на изменение направления развития человеческого общества. Теперь остается взглянуть на то, как этим течениям иногда удается добиться реальной победы, навязав свою волю с помощью силы, а также меняя индивидуумов, которые находятся у власти, и превращая их в сторонников своих принципов. Подобные изменения в обществах, которые достигли определенного уровня развития организации, могут происходить или по инициативе, или, по крайней мере, при консенсусе внутри той части общества, которой поручена охрана

---

* Перевод сделан по изданию: *Mosca G. Elementi di scienza politica. Seconda edizione con una seconda parte inedita. Fratelli Boccia Editori. Vol. 1. Torino, 1923. P. 203-225.* Данный текст является восьмой главой первого тома главного произведения итальянского мыслителя Гаэтано Моски (*Gaetano Mosca*) (1858–1941). Предшествующие семь глав были опубликованы в журнале «Социологические исследования» (в 1994: № 10, 12, в 1995: № 4, 5, 8). Фрагменты второго тома этого произведения были опубликованы в нашем журнале (в 2001 – Вып. 3, в 2003: Вып. 1-2.)

всего политического тела и которая в обычном порядке обладает монополией на использование оружия, или благодаря воздействию других элементов и сил, которым удастся победить, или, по крайней мере, парализовать консервативные силы. Тогда возникает довольно часто встречающийся в современной истории феномен, который обычно называется революцией и который мы должны будем проанализировать в общих чертах.

Перевоороты в маленьких государствах, где еще не существует бюрократической организации или она находится в эмбриональном состоянии, очень похожи на перевороты, происходящие в больших политических организмах и, прежде всего, на современные революции. В эпоху классической античности, например, тогда, когда тиран становился хозяином города или тогда, когда олигархия заменялась демократией, и также часто тогда, когда свергали тирана или олигархию, в сущности, речь всегда шла о том, что в сфере управления общественными делами одна более или менее многочисленная клика сменила другую. Когда греческое государство функционировало исправно, весь правящий класс, т.е. все те, кто не был рабом, постоянно проживающим в данной местности иностранцем или не занимался физическим трудом по найму, принимали участие в политической жизни. Когда устанавливался тиранический или олигархический режим или же происходила деградация демократии, которая потом превращалась в охлократию, тогда одна из фракций этого класса узурпировала в своих интересах всю власть в ущерб другой, которая отчасти уничтожалась, отчасти лишалась своего имущества и отправлялась в изгнание. Причем победители должны были бояться репрессий со стороны побежденных, которые, в свою очередь, если бы им удалось победить, действовали бы подобным же образом.

Следовательно, борьба велась с помощью силы и хитрости, с использованием убийств и коварства (*sorpreso*), и стороны, противостоящие друг другу, часто прибегали к поддержке со стороны иностранцев или отрядов наемников (*pugno di mercenari*) и в случае победы обычно занимали ведущие позиции (*la gossa*) и лишали оружия всех тех, кто не относился к числу их приспешников (*accoliti*), и последних в этом случае в силу их особой ценности нельзя было легко заменить. Редко получалось так, как в случае политики, проводившейся Пелопидом и Эпаминондом в Фивах и Тимолеоном в Сиракузах, чтобы победу использовали для установления менее кровавого и деспотического режима (*regime meno sanguinario e violento*), и в этом случае благотворные изменения существовали только до тех пор, пока сохранялось личное влияние, или продолжалась жизнь того, кто был их инициатором. Иногда, впрочем, фракции, узурпировавшие власть, удавалось удержаться у власти более чем на одно поколение, как это было в случае Писистратидов и обоих Дионисиев. Агатокл, один из худших тиранов греческого мира, придя к власти молодым, умер в старости, и, похоже, только яду удалось сократить его жизнь и срок его правления.

В итальянских коммунах, которые своей политической организацией напоминали города классической Греции, были возрождены многие обычаи древнегреческих государств: обычно фракция во главе с господином (*signore*) свергала или уничтожала своих противников и в обоих этих случаях присваивала их имущество; часто для того, чтобы не быть побежденным, нужно было победить противника. Обычно два самых богатых и могущественных семейства коммуны вели друг с другом вооруженную борьбу за господство; они так же, как и их античные предшественники, обращались при любом удобном случае к помощи иностранцев и наемников. Именно

так семьи Торриани и Висконти боролись друг с другом за право господства над Миланом, и эта ситуация с незначительными вариациями многократно повторялась в коммунах меньшего размера. Мир, покой, религиозная терпимость (*intenerimenti religiosi*), связанные со стараниями монахов и честных граждан, как то, о чем рассказывает добрый Дино Компаньи (см. прим. 1), не приводили к скорым последствиям и, хуже того, отнюдь не были теми орудиями, с помощью которых действующие наиболее мошенническим способом побеждали менее коварных, убивая их, когда последние были застигнуты врасплох и были беззащитны

С приходом эпохи Возрождения обычаи стали менее воинственными, открытая борьба на поле боя стала более редкой, но коварство и предательство стали более тонкими и повседневными и были, можно сказать, возведены на высоту науки. В некоторых городах преобладали так называемые цивилизованные способы: во Флоренции власть имущие (*potenti*), например, будучи связанными кругом своих родственников, сохраняли определенное равновесие и удерживали свое доминирование, наполняя биржи [*borse*] (теперь это были бы избирательные списки) своими клиентами. Это была политика, которой следовала торговая олигархия во главе с кланом Альбицци до тех пор, пока был жив Николо д'Уццано, политика, которой следовал Козимо Медичи со своими соратниками, однако, в случае необходимости он умел использовать и другие средства (см. прим. 2). В других местах – в Романье и Умбрии – борьба продолжалась и после 1500 г. по всем правилам военного искусства (*come tra veri masnadieri*). В Перуджии семейство Одди, которое преследовало семейство Бальони, неожиданно напали на последних ночью, но Бальони сражались даже в одних рубашках и не сдавались, но потом победители все же уничтожили их. Оливеротто да Фермо завоевал власть над своим городом, зверски убив командира своей роты наемников, своего дядю и большинство знатных лиц, которые были приглашены на дружеский пир.

В гражданских войнах, как в древнегреческих городах, так и в итальянских коммунах, гуманность была мало уместным явлением, и преимущество обычно было на стороне того, кто был более подготовлен к борьбе и более хитер, на стороне тех, кто умел лучше притворяться и был менее шепетилен в средствах. Неожиданный случай часто служил удачному исходу того или иного мероприятия (*impresa*), что и рассказывают про многие эпизоды в Романье. Лающая собака, пьяное застолье, произошедшее за несколько часов до или после решающего события, прочитанное сегодня или оставленное на завтра письмо решали судьбу внезапного нападения, как это было и тогда, когда Эпаминонд и Фелопид властвовали в Фивах и Арат в Сиционе. Нужно отметить также и то, что, как гражданские войны, которые терзали греческие города, так и гражданские войны, которые разрывали итальянские коммуны, не приводили к существенным изменениям. Менялись правители, но общество, кто бы ни побеждал, оставалось почти всегда организованным таким же образом. Значительные экономические факторы, эллинистические науки и искусства, освобождение крепостных, возрождение искусства и литературы развивались независимо от кровавых распрей, которые сотрясали Грецию и Италию. Все гражданские войны могли оказывать свое влияние только путем задержки развития, подобно тому, как это делали внешние войны, голод, чума, которые разоряли и одолевали страну, препятствуя ее экономическому и интеллектуальному прогрессу.

Любая политическая наука, опирающаяся исключительно на наблюдение тех исторических периодов, о которых мы упомянули, не может избежать того, чтобы

быть неполной и искусственной. Именно это следует сказать о политической науке, которая содержится в известном произведении Макиавелли под названием «Государь», и которую слишком поносят и слишком превозносят, хотя ее значение в любом случае было сильно преувеличено. Сегодня наблюдатель, который следит за тем, как на биржах, в акционерных обществах, в банках складываются и разбиваются судьбы людей, мог бы запросто написать книгу об искусстве обогащения, в которой он мог бы легко дать советы о том, как выглядеть честным, не являясь при этом таковым, воровать, избегая при этом уголовного суда, и это сделало бы совсем невинными шутки (*facezie*), которые мы находим в книге флорентийского секретаря. Но мы уже подчеркивали (см. прим. 3), что подобный труд, излагая искусство завоевывать власть и удерживать ее, не только не был бы составной частью экономической науки, но он не является и политической наукой. Здесь речь не идет о науке, т.е. о глубоких психологических законах, которые обнаруживаются во всех великих человеческих обществах, и доказан тот факт, что подсказки Макиавелли могли бы, возможно, иметь определенное значение для Людовика Моро или Чезаре Борджия, как они могли бы послужить Дионисиям, Агатоклу и Ясону из города Феры, бею Алжира, Али Тебелену, а также Мехмету Али, который провозгласил, что Египет выставлен на аукцион и достанется тому, кто предложит наибольшую сумму до последнего удар молотка аукциониста, но политикам современной Европы и политикам Римской республики они могли бы принести очень незначительную пользу. И все же следовало бы признать без всяких экивоков, что честность, самоотверженность и вера в добро никогда и нигде возможно не были и не являются качествами, необходимыми для того, чтобы завоевать власть и удержать ее в своих руках (см. прим. 4).

После того, что мы сказали, нет необходимости подчеркивать, что в современных государствах с их сложной организацией, с их размерами, значительно превышающими античные государства, и в условиях того, что эти государства опираются на бюрократию и постоянные армии, невозможно осуществить революции с помощью одного или нескольких ударов кинжалом, заговоров и интриг, и поэтому в современную эпоху революционеры, вдохновляемые примером классических революционеров, стали нелепым анахронизмом. Это, тем не менее, не значит, что я хочу сказать, что классические реминисценции совсем бесполезны, ибо они всегда были важны для того, чтобы воспламенить сердца молодежи и сохранять революционную среду, и с конца эпохи Возрождения они многократно использовались для этого (см. прим. 5). Если убийства монарха (*regicidio*) и в самом деле недостаточно для того, чтобы свергнуть правительство, то политическое убийство всегда может послужить тому, чтобы вызвать колебания и страх у вождей правящего класса, и, кроме того, поскольку почти все политические убийцы погибли в результате наказания за совершенные ими деяния, то благодаря этому возникали мученики идеи, и их культ становился одним из наименее честных, но, тем не менее, одним из эффективных средств для того, чтобы поддерживать революционную пропаганду.

II. Республиканский Рим был в целом античным государством, в котором юридическая защита была хорошо обеспечена, и поэтому гражданские войны были менее кровавыми и более редкими. Во время долгой борьбы патрициев и плебеев случались восстания, причем неоднократно дело доходило до ударов кинжалом и случилось так, что преступники неожиданно захватывали Капитолий, но в течение целых веков не происходило того, чтобы те или иные группировки насильственно узур-

пировали власть, убивая и высылая своих противников. Когда были убиты Гракхи, законный ход голосования был целых два раза нарушен кровопролитием, и когда потом было силой остановлено обсуждение в комициях, которые поручили командование войной в Азии Сулле, он, создавая прецедент, вошел в город в качестве командующего армии. Ибо легионы, воюя в течение долгого времени вне Италии, приобрели характер постоянных армий и в этом качестве становились слепыми инструментами власти в руках своих командиров. Поэтому потом происходили гражданские войны, в которых участвовали регулярные армии, и командующий армии, в конечном итоге одержавший победу в этих войнах, Август Октавиан, окончательно изменил форму правления и основал принципат как этап на пути к бюрократической и военной монархии. С этого времени профессиональная солдатня (*le soldatesche regolari*) присвоила себе право изменять теперь уже не форму, а менять главу власти (*Capo del Governo*).

В феодальной Европе и, в общем, у всех феодальных народов, гражданские войны и революции всегда принимали характер войны между группировками, между которыми разделяли свои симпатии бароны и главы местной власти. Так происходило в Германии, где на выборах нового императора среди баронов и свободных городов часто формировались две партии, которые боролись друг с другом, подчиняясь избранному ими суверену, которого они провозгласили легитимным. В другом месте, как в Сицилии в эпоху борьбы между латинским и каталанским нобилитетом, противостоящие друг другу стороны оспаривали право выдвигать из своей среды персону короля, принца или принцессы, обладающих наследственной властью, потому что это позволяло одной из сторон поднять щит *легитимности* и провозгласить своих противников мятежниками и изменниками. По аналогичным причинам Бургиньоны и Арманьяки во Франции боролись друг с другом за право выдвигать из своей среды персону короля или наследника престола. В других случаях бароны выстраивались под знаменами двух соперничавших династий, как это происходило в Англии во время войны Алой и Белой роз (см. прим. 6). Когда вся или почти вся знать поднимала мятеж против суверена, тогда революция довольно скоро доводилась до успешного завершения, и король легко свергался и терял всю свою силу, и это, будучи нередким для всех феодальных режимов, достаточно регулярно происходило в Шотландии.

Как в случае гражданских войн в Греции и в итальянских коммунах, так и в междоусобных войнах между баронами одного и того же королевства победившая сторона обычно лишала побежденных их феодалов, которые распределялись среди сторонников победителей. Если убийства и особенно отравления стали более редкими, то побежденных в том случае, если их не убивали на поле битвы, часто ждала секира палача. Все знатное семейство Кьярамонти в Палермо погибло на роковом эшафоте, на эшафоте же и на полях сражений в ходе чередующихся друг с другом побед и поражений семейств Йорков и Ланкастеров была уничтожена почти вся старая английская знать. Во Франции одни главы семейства Арманьяков были убиты убийцами, другие — уничтожены во время народного террора со стороны плебса в Париже, и, в свою очередь, был убит принадлежавший к противоположной стороне Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундии (см. прим. 7).

В мусульманских странах, если не принимать в расчет интриги в серале, которые приводили к низложению и убийству одного султана и выдвиганию на его место другого, революции в собственном смысле слова, во многом, с одной стороны,

будучи аналогичны борьбе, которая происходила в феодальной Европе и, с другой стороны, содержа в себе ростки движений, которое мы сейчас называем социалистическим, скрывались за религиозными реформами, маскировались ими. Действительно, несмотря на то, что усилия многих восточных и африканских суверенов, стремившихся окружить себя регулярными войсками, достаточно часто были успешными, все же, при наличии мусульманского большинства и, прежде всего, тех, кто живет в деревнях и ведет жизнь скорее пастушескую, чем земледельческую, сохранялась старая племенная организация и восстания вождей племен, как и мятежи европейских баронов, направленные на то, чтобы поддержать претендента на трон и наследственные права новой династии, всегда были возможны. Среди этих племен в любой момент мог появиться реформатор (*un novatore*), который претендовал на то, чтобы восстановить ислам в его первоначальной чистоте и осуществить религиозную реформу, и тогда, в том случае, если его пропаганда оказывалась успешной, происходила религиозная и социальная революция.

Поскольку в восточных странах, а также в Северной Африке, где не было возникшей в современной Европе классовой борьбы между капиталистами и пролетариями, вот уже с десятков веков всегда существовал скрытый антагонизм между бедными и разбойничьими племенами пустынь и гор, с одной стороны, и богатыми племенами с плодородных равнин, с другой, и, в еще большей степени — антагонизм между первыми и невоинственным и богатым населением городов. Можно сказать, что ислам все же не предоставляет повода для возрождения старого эгалитарного духа, основанного на презрении к богатству и удовольствиям, который мы обнаруживаем уже у некоторых еврейских пророков — у Исаяи и пастуха Амоса. Но если Мухаммед и не говорил, что верблюду пройти через игольное ушко проще, чем богачу попасть в рай, он, тем не менее, был сторонником простоты нравов и из сокровищ этого мира не ценил женщин и благоуханий. Однажды, когда ему явились в качестве послов восемьдесят всадников в роскошных шелковых одеждах из племени Бени-Кенде, которое недавно было обращено в ислам, он тотчас же убедил их в том, что новая религия не обещала роскоши, и они тут же разорвали свои богатые одежды (см. прим. 8). Второй халиф Омар, который завоевал столько стран и столько богатств, обедал, расположившись на земле, скромной пищей, и после его смерти в качестве наследства остались только бедная одежда и три драхмы.

С этой точки зрения легко объяснить то, почему в Берберии в XI и XII вв. старые арабские династии были побеждены и лишены своих владений в результате религиозной реформы Альморавидов, которые в свою очередь были свергнуты благодаря новой религиозной реформе, осуществленной Альмохадами. Во всех этих случаях племена пустынь и гор горячо поддерживали реформаторские учения и подчинили себе более цивилизованное и богатое население Телля и приморских земель. Нечто подобное можно обнаружить у секты вахабитов в Аравии и в недавней истории махдизма в верховьях Нила. То же происходило у древних сарацинов, некогда являвшихся хозяевами богатых районов Сирии, Персии и Египта и отказавшихся от умеренности людей, знавших пророка, каждый из которых в своей старости имел повод возмущаться роскошью халифов Омейяды из Дамаска, которых потом превзошли халифы Аббасиды из Багдада. Подобным же образом и в случае Альморавидов и Альмохадов человеческая природа быстро победила религиозное рвение (*ardore settario*). Также и те, кто однажды захватил дворцы в Фесе и Кордове, предали

забвению простую жизнь, которую они вели и проповедовали в горах вдали от берегов Атлантики, и стали наслаждаться всей утонченной восточной роскошью. Если совершенно идентичные результаты мы не наблюдаем в случае ваххабитов, махдистов и других мусульманских сект, то это случилось только потому, что им сопутствовала меньшая удача.

III. В Китае революции и насильственные перевороты были нередким явлением, но нам едва ли удастся охарактеризовать социальные причины тех из них, что были очень давно. Мы знаем, что Поднебесная империя пережила разные экономические и политические режимы, что вначале в этой стране существовало феодальное государство, которое потом превратилось в бюрократическое государство, и, в соответствии с этими изменениями должны были, несомненно, меняться причины и формы этих восстаний.

Известно следующее: когда воспитание правящей династии приходило в упадок, когда отход от принципов приводил к тому, что управляли женщины и евнухи, или когда теряли время в поисках эликсира бессмертия, и злоупотребления чиновников выходили за определенные границы, тогда некоторые мятежные губернаторы или отчаянные авантюристы во главе банд повстанцев, опираясь на всеобщее недовольство, нередко побеждали правительственные войска, низвергали старую династию и учреждали новую. Новая династия сохраняла значительную энергию в течение нескольких поколений, до тех пор, пока она также не слабела, и старые злоупотребления не появлялись вновь.

Нападения северных варваров и тибетцев часто были причиной этих изменений и способствовали им. Когда потом вся страна оказалась под владычеством монголов, постепенно сформировалась одна из тех могущественнейших реакций национального духа, которую можно часто обнаружить у народов древней цивилизации, как это было в Древнем Египте после нападения гиксосов и как это в прошлом веке случилось в Греции и в Италии. В конце четырнадцатого века группа энергичных энтузиастов во главе с бонзой (см. прим. 9) Ронг У [Rong-ou] (см. прим. 10), опираясь на взрыв национальных чувств, который произошел во всем Китае, подняла знамя борьбы с монголами, и им удалось прогнать варваров за Великую Китайскую стену. Ронг У был основателем династии Мин, которая управляла страной вплоть до конца семнадцатого века (см. прим. 11).

В течение девятнадцатого века Китай, став почти полностью бюрократизованным государством, пережил другую революцию, которая, хотя она и не завершилась успехом, стоит того, чтобы о ней упомянуть. И здесь важно, прежде всего, провести аналогию между этой революцией и той, которая возвела на трон буддистского священника Ронг У. Вследствие беспорядков, которые породила во всей империи война с англичанами, закончившаяся невыгодными для Китая договорами 1842 и 1844 гг., в окрестностях Нанкина, старой столицы династии Мин, в самом сердце китайского национализма, разразилось восстание против чужеземной династии маньчжурских татар. Лозунг изгнания иностранцев и основание новой религии, в рамках которой догмы христианства были причудливым образом перемешаны с идеями китайской философии и китайскими народными суевериями и адаптированы к ним, составили моральную основу революции. Школьный учитель, обладатель учебного звания самого низкого ранга, видимо, находившийся не на своем месте, который принял имя Ронг Сю Цзиена (Rong-Sieou-Tsien) (см. прим. 12), стал его вождем

и сплотившаяся вокруг него группа энергичных, умных, амбициозных людей поддержала его с первых шагов движения и помогла ему как в разработке указанной религиозно-философской системы, так и в руководстве первыми походами восставших.

Машина китайской бюрократии тогда была основательно подорвана из-за поражений, понесенных в войне с европейцами (см. прим. 13), и китайский народ был недоволен обнаружившейся неэффективностью властей, поэтому мятежников ждал очень быстрый успех. Войдя в Нанкин в 1853 г., они провозгласили Тайпин-тяньго (см. прим. 14), т.е. эру всемирного благоденствия, и в то же время Ронг Сю Циен, который, безусловно, не был человеком заурядным (*un uomo volgare*), принял титул Императора Поднебесной и основателя новой национальной династии. Поскольку и в Китае грубая сила, необходимая для успеха революций, мобилизуется преимущественно среди обитателей дна общества, то рядовые армии, которая должна была торжественно учредить общество всеобщего благоденствия, рекрутировались преимущественно из числа дезертировавших солдат, сбежавших от наказания преступников и, в целом, из числа бродяг и беглецов, которые переполняют все крупные китайские города, так же, как и крупные города в Европе. Очень быстро вожди восстания оказались бессильными в своих попытках предотвратить различные эксцессы со стороны своих сторонников, и поэтому банды тайпинов принесли с собой, прежде всего, грабежи, разруху и массовые убийства. Развитие этого восстания более управлялось не политической мыслью, а сладострастием воровства и кровопролития (*libidine del furto e del sangue*), и территории, на которых восстание одержало верх, испытали все ужасы настоящей анархии.

Новая война с Англией и Францией, разразившаяся в 1860 г., и восстание мусульман на северо-востоке на несколько лет продлили это состояние, но как только китайское правительство, немного оправившись от замешательства, смогло направить значительные силы против мятежников, последние полностью утратили симпатии населения и по своим возможностям оказались в роли маленькой партии. Нанкин был окружен, почти все старые соратники Ронг Сю Циен, обладавшие способностью самостоятельного политического мышления, были убиты, и он, окруженный массой тех, кто в равной мере был готов и грабить, и предать его, разуверившись в возможности продолжать сопротивление, отравился в своем дворце 30 июня 1864 г. Двадцать дней спустя императорские войска, взяв Нанкин, обезглавили юного сына умершего вождя восстания и потопили в крови мятеж, который сам вырос на крови (см. прим. 15).

Итак, в Поднебесной империи, как и в мусульманских странах, да и в большей части Европы, от идеализма политической концепции, под знаменем которой начинала революцию, повсеместно отходили и даже почти полностью отказывались от него, едва только начав реализовывать эту концепцию.

И другую точку соприкосновения между восстанием тайпинов и европейскими восстаниями мы можем найти в том обстоятельстве, что и в Китае революционному движению также предшествовала деятельность тайных обществ, которые подготавливали его. Действительно, с конца восемнадцатого века здесь разворачивалась деятельность тайных организаций, которые поддерживали в народе недовольство чужеземной династией и культивировали ненависть к ней (см. прим. 16). Эти организации, впрочем, пережили мятеж, который и подготавливали. Более того, похоже, что делом их рук было убийство нескольких европейцев, что имело своей целью вызвать осложнения в отношениях пекинского правительства с западными держава-

ми, и что в эти общества вступали, как это происходило и в странах, более известных нам, чем Китай, не только мужественные и бескорыстные патриоты, но также и преступники, которые использовали связи в тайных обществах для того, чтобы избежать наказания за свои преступления, и даже чиновники, которые хотели воспользоваться ими в интересах своей карьеры.

IV. Среди европейских революций особым характером выделяются революции, являвшиеся реакцией поработенного народа на власть народа-поработителя. К их числу относятся восстание в Швеции против Дании при Густаве Вазе, восстание в Голландии против Испании, восстание в Испании против Франции в 1808 г., восстание в Греции против Турции, восстание в Италии против Австрии, восстание в Польше против России. Эти восстания более напоминают внешние войны, т.е. войны между разными народами, чем гражданские войны, и они часто завершались успехом. Сегодня, тем не менее, при наличии крупных постоянных армий, восстающие народы для того, чтобы уверенно рассчитывать на победу, должны находиться в состоянии полунезависимости, чтобы, по крайней мере, часть этих народов была хорошо подготовлена и организована в военном отношении.

В Испании в 1808 г. помимо известной *guerrillas* (см. прим. 17) можно было наблюдать также активнейшее участие в восстании регулярных войск; в Италии в 1848 г. пьемонтская армия сыграла главную роль в борьбе против иностранных захватчиков, и действия регулярных войск Пьемонта совместно с действиями их французских союзников в 1859 г. решили судьбу этого полуострова. И Польша в 1830 и 1831 гг. смогла бороться почти год против русского колосса только потому, что тогда существовала польская армия, которая сражалась за польское национальное дело. Восстание 1863 и 1864 гг., поднятое одними только иррегулярными бандами, имело гораздо меньший масштаб, и было подавлено при участии намного меньших по численности сил.

К этому же классу революции относится и революция, произошедшая в Соединенных Штатах против владычества Англии. Известно, что англо-американские колонии пользовались, в том числе и накануне 1776 г., широчайшей автономией. Поэтому тогда, когда они были вынуждены образовать конфедерацию и провозгласить ее независимость, они смогли с легкостью, опираясь отчасти на старую милицию разных штатов, отчасти на волонтеров, организовать вооруженные силы, которые успешно противостояли войскам, посланным их матерью-родиной для того, чтобы подчинить их, до тех пор, пока с помощью подкреплений из Франции, Соединенным Штатам не удалось освободиться полностью.

Когда разразилась английская революция 1643 г., Великобритания еще не была бюрократическим государством, и король Карл I не располагал даже самой небольшой постоянной армией. В силу этого на стороне парламента воевала в основном милиция муниципалитетов (*le milizie dei Comuni*), а на стороне короля воевали главным образом сельские дворяне или, иначе говоря, кавалеры.

Кавалеры были намного лучше вооружены и на первых порах одерживали победы, но когда Кромвель впервые сформировал полк, а затем и армию постоянных и дисциплинированных войск, это решило исход борьбы, и во главе этой армии лорд-протектор не только победил кавалеров, но и подчинил Шотландию и Ирландию, обуздал левеллеров, с легкостью и в немного невежливой манере распустил Долгий парламент и стал абсолютным властелином британских островов. Безусловно, память об этом надолго обусловила недоверие англичан, сторонников конституционного осво-

бождения от обязанностей (*costituzionali franchigie*), к постоянным войскам; это недоверие стало причиной того, что у Карла II и Якова II не нашлось средств для содержания большой постоянной армии, и того, что власти пытались любым путем подготовить в качестве военной силы милицию графств, а также того, что вынудило Вильгельма Оранского с большим сожалением отправить на континент те старые голландские полки, во главе которых он свергнул последнего из династии Стюартов.

V. Другой важный социальный феномен мы обнаруживаем в крестьянских восстаниях, которые достаточно часто случались в разных частях Европы во второй половине XVII и в первой половине XIX вв. К ним относятся, если отвлечься от восстаний, которое происходили при правлении императрицы Екатерины II, в ходе которых на трон пытались взойти различные персоны, называвшие себя именем убитого царя Петра III, испанское восстание 1808 г., в котором приняла участие вся испанская нация, крупное восстание в Вандее в 1793 г., восстание в Неаполитанском королевстве в 1799 г. против партенопейской республики, восстание в Калабрии против Жозефа Бонапарта в 1808 г., восстание в Тироле в 1809 г. и различные карлистские восстания в Бискайе и Наварре.

Маколей, говоря о крестьянском восстании эпохи Якова II во главе с Монмутом, замечал, что оно было возможно потому, что тогда в Великобритании все крестьяне были немного военными. И действительно, серьезное восстание сельского плебса было возможно только там, где существовали хотя бы некоторые традиции владения оружием или, по крайней мере, там, где охота, разбой, или борьба между семьями или деревнями были причиной поддержания у населения на определенном уровне навыков владения оружием.

В России повстанческие движения, о которых мы упомянули, самым значительным из которых было восстание под предводительством Пугачева, были следствием страха, который крестьяне, казаки и все те, кто жил среди степей в условиях свободы, испытывали перед усиливавшейся тогда бюрократической централизацией. Эти восстания были направлены против немецких чиновников, которые были главными проводниками этой централизации. Тем не менее, повстанцы всегда отличались тем, что теперь называют *лоялизмом*, потому что они утверждали, что настоящий царь находится в их рядах, а царица, восседающая на троне в Петербурге и в Москве, является узурпатором. Чувства, с одной стороны, консервативные, и, с другой стороны, враждебные по отношению к излишнему вмешательству государства в их жизнь, мы обнаруживаем также и во всех крестьянских восстаниях, происходивших обычно тогда, когда триумфальные партии новаторов намеревались призвать население к новым жертвам во имя цивилизации и прогресса. И в самом деле, вандейцы, хотя и были недовольны республикой, которая преследовала их приходских священников, и были очень раздражены казнью Людовика XVI, поднялись на массовое восстание только в марте 1793 г., т.е. тогда, когда Конвент издал декрет о всеобщем призыве в армию. Крестьяне Неаполитанского королевства в 1799 г., и без того уже страдающая от притеснений, которые новаторы чинили их традициям и суевериям, были обложены данью и ограблены французскими войсками. В Испании в 1808 г., помимо сильно оскорбленных католических и национальных чувств, люди повсюду считалось и принималось на веру то, что французские агрессоры прибыли в их страну с большим количеством наручников для того, чтобы с их помощью вывезти за пределы страны всю молодежь на службу в наполеоновскую армию (см. прим. 18). В Бис-

кайе и испанской Наварре различные карлистские восстания были большей частью вызваны усердием, с которым эти провинции защищали сохранение древних fuegos (см. прим. 19), предполагавшими значительный иммунитет по отношению к общественным повинностям и почти независимую местную администрацию.

Первые вожди сельских восстаний, по культуре и социальному происхождению, вероятно, ненамного превосходили крестьян. Знаменитый испанский *cabecilla* (см. прим. 20) Мина был погонщиком мулов; в Неаполе в 1799 г. только Родино был провинциальным адвокатом, а Пронио, Мамоне и Нунцианте были мельниками или унтер-офицерами. Андреас Хоффер, вождя восстания в Тироле в 1809 г., был зажиточным хозяином кабачка; вандейское восстание поначалу возглавляли парикмахер Гастон, кучер Кателино и охотник Стоффле. Если же высшие классы все-таки присоединялись к восстанию, придавая ему силу и вес, то быстро появлялись руководители из высших слоев. Так было в Вандее, где крестьяне направились в замки своих сеньоров, естественно, колебавшихся, потому что лучше их понимали сложность такого предприятия, как антиправительственное восстание, и убедили или почти заставили возглавить его. Так были вовлечены в движение дворяне Лескюр, Боншамп, Ларошжаклин и Шаретт. Последний из них, хладнокровный и хитрый, обладавший огромной и неукротимой энергией, быстро продемонстрировал все достоинства совершенного руководителя: поэтому он, вместо того, чтобы препятствовать эксцессам со стороны своих последователей, позволил им совершать все желаемые ими акты вендетты с целью скомпрометировать их и бесповоротно связать с успехом восстания. Среди вождей сельских консервативных восстаний единственным, кто мог с ним сравниться, был бискаец Дзумалакареги (*Zumalacaregui*), предводитель первого карлистского восстания, который был мелким сельским дворянином.

Общая характерная особенность консервативных крестьянских восстаний, как и восстаний во имя свободы и прогресса, которые происходили в крупных городах, заключалась в следующем: очень скоро в ходе этих восстаний сформировывался класс людей, которые ощутили вкус борьбы и оказались заинтересованными в том, чтобы продолжать эти восстания. Движение на первых порах могло иметь всеобщий характер, но очень скоро в массах выделялись те, кто, оставив однажды свои привычные занятия, не хотел возвращаться к ним, потому что в них развивался инстинкт борьбы и жажда приключений. Действительно, существуют люди, у которых нет склонности идти вперед в обычные моменты социальной жизни, но они в отличие от этого знают, как заставить себя уважать в чрезвычайные моменты, к которым относятся гражданские войны, и для них характерна тенденция, согласно которой состояние чрезвычайности становится общим правилом их жизни.

Итак, мы видим, что после первой фазы грандиозного вандейского восстания, которая завершилась ужасным разгромом при Савиньи (*Savenay*), война продолжалась еще годы, потому что вокруг вождей сформировалось ядро решительных людей, которые не хотели заниматься никаким другим ремеслом, кроме как партизанским. Эта тенденция проявляется наиболее зримо тогда, когда революция является средством для быстрого персонального продвижения (*fortuna*), как это было в случае Родино и Пронио, которые стали генералами, и Нунцианте и Маммоне, которые получили звания полковников. В Испании революционное брожение, начавшееся после шести лет войны за независимость, привело к последующей гражданской войне, в которой ядро восставших формировалось из числа авантюристов, надеявшихся

ся на свою удачу и свою карьеру; и многие звания были заработаны благодаря тому, что люди служили сначала одной борющейся стороне, а потом переходили на сторону другой (см. прим. 21).

VI. Революции, с которыми связаны социальные факты, кажущиеся наиболее необычными в силу того, что они были обусловлены особыми политическими условиями, несомненно, происходили во Франции в девятнадцатом веке. Они оказались возможными только в силу исключительной бюрократизации и благодаря другим условиям, о которых мы кратко упомянем.

Мы включаем в данный список великую революцию 1789 г., с которой было связано реальное расчленение общества на классы и политические силы, которые тогда управляли Францией. Известно, что тогда администрация и армия, полностью дезорганизованные неопытностью Национального собрания, эмиграцией и пропагандой *clubs* (см. прим. 22), не располагали хоть каким-нибудь временем для того, чтобы заставить уважать решения хоть какого-нибудь правительства (см. прим. 23). Поэтому власть, выпав из рук короля, не оказалась в руках ни одного министерства, которое пользовалось бы доверием Учредительного собрания и принадлежала всякий раз секте или человеку, который мог в определенный день отправиться в Париж с вооруженным отрядом; именно такими были командующий Национальной гвардии Лафайет или Дантон во главе плебса пригородов, вооруженного пиками.

Однако именно здесь уже начинает проявляться тенденция, которая усилилась в первой половине девятнадцатого века. Те, кто руководил восстаниями, всегда стремились захватить персону или персоны, которые представляли собой символ или институт, которому во Франции повиновались или по древней традиции, или в силу веры в новые принципы, и если эти планы реализовывались, то восставшие становились подлинными хозяевами страны.

Так действовали повстанцы в октябре 1789 г., когда они, очевидно, повинувшись словам приказа, отправились в Версаль и захватили короля. После упразднения монархии, именно против Национального Конвента стали происходить революционные выступления вроде того, что было 31 мая 1793 г., которые сделали Национальное собрание, представлявшее всю Францию, послушным орудием в руках парижского сброда (*un pugno di marmaglia parigina*). Провинция тогда попыталась реагировать на это, но тщетно, поскольку армия сохраняла верность приказам, которые приходили из столицы от имени Конвента, хотя и было известно, что он принимает свои решения под угрозой применения силы.

Это же самое всеобщее молчаливое согласие со всем тем, что происходило на заседаниях правительства, имело большое значение для успешного исхода различных государственных переворотов, которые происходили при Директории и вплоть до учреждения наполеоновской империи.

Но возможно еще более характерным было то, что произошло во Франции в 1830, в 1848 и в 1870 гг. После более или менее долгой борьбы, всякий раз относительно незначительной по своим масштабам (см. прим. 24), с той частью армии, которая защищала столичные здания, в которых находились представители высшей власти, до этих пор считавшиеся легитимными, как вооруженная, так и невооруженная толпа вынуждала монархов и министров бежать, распустить ассамблеи и лихорадочно сформировать правительства, состоящие из людей более или менее известных стране, которые заседали там, откуда обычно должны были управлять

прежние главы правительств, и откуда победители, почти всегда с помощью чиновников, телеграфировали во все уголки Франции, что благодаря победоносному наряду они стали хозяевами страны, и что страна, администрация и армия готовы повиноваться им. Это было похоже на историю волшебной лампы Аладдина, которая, случайно или с помощью хитрости оказывалась в руках какого-либо человека, возможно, простого и необразованного юноши, и тотчас же джины начинали слепо служить ему и делали обладателя лампы богаче и могущественнее султанов Востока, и никто не спрашивал, как и почему драгоценный талисман оказался в его руках.

Можно возразить, что в 1830 правительство было слепым инструментом партии легитимистов, что оно почти вышло за пределы законности, что против его политического курса была резко настроена большая часть населения Франции и что значительная часть армии в решающий момент действовала вяло или не действовала вовсе. Катастрофа 1870 г. позволяет объяснить смену правительства, которое тогда произошло во Франции. Но ни один из элементов этого рода мы не можем использовать для объяснения причин неожиданной революции 1848 г.: ни палаты, ни бюрократия, ни армия тогда не симпатизировали республиканскому правительству, большая часть департаментов была настроена против (см. прим. 25), в Париже все та же Национальная гвардия, которая колебалась в феврале, что и обусловило падение кабинета министров Гизо, в марте и в апреле устраивала одна за другой реакционные манифестации. И все же было достаточно нескольких часов колебаний для того, чтобы Луи Филипп, его семья и его министры бежали не только из Парижа, но и из Франции, палаты были упразднены, и Временное правительство, члены которого в неистовствующей толпе были провозглашены в бывшем дворце Бурбонов, приняли на себя политическое руководство Францией.

Гражданин Коссидьер, который вплоть до последнего дня накануне революции преследовался полицией, во главе группы повстанцев, с руками, еще запачканными порохом, направился во второй половине дня 24 февраля 1848 г. в префектуру полиции и с этого вечера стал ее главой. На следующий день все главы подразделений обещали ему свое преданное сотрудничество и, волей или неволей, выполнили свое обещание (см. прим. 26).

Луи Блан в предисловии к своему уже цитировавшему произведению говорит, что Луи-Филипп был свержен главным образом потому, что его сторонники поддерживали его ради своих интересов, а не из-за личной преданности. Согласно этому автору, у буржуазного короля было мало врагов и много лиц, заинтересованных в его правлении, но в момент опасности у него не нашлось ни одного друга. Эта причина, как мы полагаем, сыграла все же очень незначительную роль, поскольку вряд ли все те, кто поддерживает форму правления, должны испытывать личную привязанность или бескорыстную дружбу к индивидууму, который является главой государства. Политическая преданность монарху или главе республики имеет совсем другую природу. Напротив, скорее, как мы уже указывали, весьма вероятным является то, что главной причиной неожиданных переворотов во Франции была чрезмерная бюрократическая централизация, усугубленная парламентарным режимом, который подготовил все предпосылки для того, чтобы чиновники привыкли к смене своих начальников и направленности своей деятельности и знали по опыту, что полное повиновение тому, кто находится наверху, означает много получать много, и что раздражать его, означает потерять много.

При подобном режиме то, что нужно огромному большинству армии, бюрократии, а также части населения, которое в силу своих интересов или в силу своих инстинктов любит порядок – это правительство вообще, хотя и не данное правительство, поэтому тот, кто фактически стоит во главе государственной машины, всегда находит консервативные силы, готовые поддержать его, и в этом случае весь политический организм действует почти слаженно, как будто его приводила бы в движение чья-либо рука.

Конечно, с помощью этой системы можно добиться скорее смены персон, которые держат в своих руках высшую власть, чем подлинного изменения политического курса общества: это как раз то, что случилось во Франции после 1830, 1848 и 1870 гг., и поэтому, когда существовало стремление к более радикальным изменениям, правители, сами вышедшие из революции, должны были препятствовать этим изменениям, как это случилось в июне 1848 и в 1871 гг., с помощью консервативных элементов, которые были инструментами в их руках и их хозяевами одновременно.

Бесспорно то, что глубоко укоренившееся чувство законности и легитимности предшествующего правительства препятствовало бы пассивному повиновению новому, родившемуся на баррикадах, режиму, но для того, чтобы создать и утвердить чувство этого рода, правительство нуждается во времени и в традициях, и во Франции перемены, произошедшие накануне 1870 г., были слишком быстрыми для того, чтобы традиции успели укорениться в обществе. Нужно, наконец, учитывать и то, что в течение девятнадцатого века во Франции и в большей части Европы революционные меньшинства могли рассчитывать не только на симпатии со стороны бедных и необразованных масс, но также и во многом на симпатию тех классов, которые обладали определенной культурой. Худо-бедно, но три четверти века молодежь учили тому, что наиболее важными из завоеваний современной жизни общество было обязано великим революциям. При наличии подобного воспитания совсем не удивительно, что на попытки восстаний и победы революционеров большинство населения отнюдь не смотрело с неприятием до тех пор, пока они не стали угрожать или не стали наносить серьезный вред материальным интересам (см. прим. 27). Естественно, чувства, на которые мы указывали, должны в определенной мере быть более сильными и распространенными в тех странах, чьи фактические или официальные правительства вышли из революций и, обвиняя восстания в целом, эти правительства стоят перед необходимостью выбрать среди них правильное, священное восстание (*quella buona, quella santa insurrezione*), которое стоит у их истоков.

VII. Одним из наиболее важных путей, благодаря которым традиции и революционные страсти сохранялись во многих странах Европы, была деятельность политических обществ, особенно тайных. В своих недрах они действительно воспитывали группы руководителей, которые умели потом разжечь в массах революционные страсти и повести их к поставленной цели. Если бы нужно было написать беспристрастную историю девятнадцатого века, то следовало уделить большое внимание эффективности, с которой эти, ставшие очень разветвленными, общества смогли распространять либеральные и демократические идеи, быстро и основательно изменяя интеллектуальную жизнь большинства европейских обществ. Поскольку, если не учитывать активную, организованную и хорошо управляемую пропаганду, было бы сложно объяснить то, как определенные точки зрения, которые в конце восемнадцатого века укоренились только в аристократических гостиных (*salotti eleganti*) и

разделялись очень незначительной частью общества, стали общепринятыми в конце концов даже в самых отдаленных деревнях, в среде, которая, конечно, не изменилась в силу своей культуры.

Если, тем не менее, при интеллектуальной и моральной подготовке революций ассоциации, причем скорее легальные, чем тайные, обычно играют чрезвычайную и незаменимую роль, то этого же нельзя сказать про ту ситуацию, когда требуется подтолкнуть массы к непосредственному действию, поднять вооруженное восстание в данном пункте и в определенный день, потому что здесь у тайных обществ и заговорщиков на случай, когда их деятельность приводит к успеху, приходится, по крайней мере, десяток случаев, когда она завершается крахом. Причина очевидна: для того, чтобы *начать* революцию недостаточно только наличия готовых к любому риску отщепенцев (*gli spostati*), которых можно легко найти во всех крупных европейских городах, но также необходима кооперация со значительной частью масс. Ныне массы не приходят в движение без наличия сильного фермента в сознании, вызванного событиями, которые правительства часто не умеют или не могут избежать; но в то же время революционные общества не могут породить эти события, хотя из них они, тем не менее, при умелых действиях могут извлечь свою выгоду. Разочарование в великих надеждах, быстрое ухудшение экономических условий, поражения национальных вооруженных сил или победоносное восстание в соседней стране — все это события, которые в очень значительной мере способны привести в движение большинство, уже подготовленное к выступлению революционным воспитанием. В этом случае хорошо организованное ядро повстанцев, если оно умеет воспользоваться моментом, может рассчитывать на успех; но если оно, напротив, бросается действовать без оглядки на наличие или отсутствие чрезвычайных обстоятельств, то оно терпит крах и его легко уничтожают, как это происходило во Франции в 1832, 1834 и 1840 гг. Поэтому если полиция мало беспокоится по поводу пропаганды принципов и лишь пытается предотвратить или раскрыть выступления групп революционеров, ближайшие планы и цели которых удается узнать достаточно просто с помощью нескольких шпионов, проникших в их среду (см. прим. 28), то это лишь демонстрирует ничтожность ее кругозора, что, похоже, является универсальным и почти фатальным свойством всех современных охранительных институтов.

Во Франции, Испании, а также и Италии есть города, в которых нет ничего проще, чем вывести массы на баррикады. Это одно из последствий обычаев и традиций, благодаря которым население, однажды вооружившись и свергнув свое правительство, будет верить, по крайней мере, в течение одного поколения, в возможность положительного исхода попыток обновления власти, причем столь сильно, что даже неоднократные кровопролитные неудачи не будут разочаровывать его. Добавим, что индивидуумы, которые хотя бы несколько раз участвовали в боях с оружием в руках, получают своего рода военное воспитание и научаются сражаться лучше (см. прим. 29). Тем не менее, несмотря на все преимущества времени, места, условий, которыми в случае необходимости может воспользоваться революционное движение, безусловно, в наши дни, при наличии больших постоянных армий и при том, что всеми необходимыми финансовыми средствами и военным оснащением может распоряжаться только государственная власть (*i poteri costituiti*), никакое правительство не может быть свергнуто силой, если люди, которые его возглавляют, не будут колебаться при первых же потрясениях, или если они, по крайней мере, не будут испы-

тивать страх перед ответственностью, связанной с необходимостью прибегнуть к кровавым репрессиям. Уступки, сделанные в последний час, приказы и контрприказы, нерешительность тех, в чьих руках находится законная сила и кто должен применять ее, являются настоящими и наиболее эффективными факторами успеха революции, и история февральских дней 1848 г. в этом отношении является очень поучительной (см. прим. 30). Опасной иллюзией является вера в то, что если на высших постах находятся те, кто боится скомпрометировать себя, всегда можно будет найти младших офицеров, которые со всей необходимой энергией возьмут на себя ответственность и проявят инициативу или будут выполнять противоречивые и запутанные приказы верховного командования.

Остается теперь выяснить то, как устроены постоянные армии и какими были условия, благодаря которым не приходили в упадок эти сложные организмы, которые, не нанося обычно ущерба юридическому равновесию с другими социальными силами, служат — если ими умело пользоваться — весьма эффективными инструментами в руках законных правительств. Об этом мы поговорим в следующей главе.

Примечания

1. Когда он рассказывает в своей «Хронике» о собственной, очевидно, удавшейся, попытке примирить глав Белой и Черной партий, объединив их в церкви и с помощью примиряющих слов, заставив их обнять друг друга.

2. См. «Историю Флорентийской республики» Джинно Гаппони, которая уже была цитирована в III Главе.

3. В первой части этого труда.

4. Впрочем, мы считаем незначительной и практическую эффективность искусства, преподававшегося Макиавелли и очень сомневаемся в выгоде, которую оно могло бы принести тем политикам, о которых мы упоминали. Потому что тогда, когда речь идет о захвате и удержании власти, общие законы, открытые на основе знания человеческой психологии и постоянных тенденций массового характера, стоят немногочисленно, тогда как все дело сводится к знанию индивидуальных наклонностей и их использованию, а эти наклонности у разных людей столь не похожи друг на друга, что их очень трудно сделать объектом какого-либо синтеза. Совет, данный политику, который хорошо знает, как его применить на практике, в одном случае будет хорош, а в другом — плох; один и тот же индивидуум, действуя одним и тем же способом, в двух ситуациях, кажущихся идентичными, сможет достичь успеха или потерпеть неудачу в зависимости от того, с какими людьми он столкнется. Поэтому Гвиччардини написал в своих заметках: «Теория очень сильно отличается от практики и многие из тех, кто занимается ею, не знают, как применить ее на деле. Не имеет смысла говорить о примерах, поскольку любое незначительное отклонение в каждом отдельном случае приводит к самым серьезным последствиям».

5. Например, при подготовке заговора 1476 г., в результате которого был убит Галеаццо Сфорца.

6. Междоусобная феодальная война Алой и Белой роз, происходившая в Англии в 1455–1487 гг., нанесла огромный удар по английской феодальной знати, и, тем самым, способствовала быстрому переходу страны к капиталистическому развитию. Основными противниками в этой войне выступали аристократические семейства Ланкастеров и Йорков, чьими знаками были Алая и Белая розы соответственно. — *Прим. перев.*

7. Речь идет о боровшихся друг с другом феодальных группировках арманьяков (сторонники Орлеанской ветви династии Валуа) и бургиньонов (сторонники Бургундской ветви династии Валуа) во Франции XV в. — *Прим. перев.*

8. Hammer-Purgstal, цитируемое произведение. — *Прим. перев.*

9. Известно, что бонзы или буддистские монахи, происходящие из низших классов населения, по крайней мере, теперь очень мало почитаются во всем Китае.

10. Речь идет о вожде антимонгольского движения в Китае Чжу Юаньчжане (1328–1398), ставшего первым императором династии Мин и правившим с 1368 г. до своей смерти. — *Прим. перев.*

11. Династия Мин была свергнута маньчжурскими завоевателями в 1644 г., а подчинение всей территории Китая новой, маньчжурской, династии Цин и борьба с остатками власти Мин продолжалась еще примерно четверть века. — *Прим. перев.*

12. Речь идет о вожде восстания тайпинов бывшем сельском учителе Хун Сююане (1813–1864). —

Прим. перев.

13. Имеется в виду Первая опиумная война между Великобританией и Китаем в 1840–1842, после поражения в которой Китай был вынужден открыть несколько своих портов для внешней торговли и уступить Гонконг Великобритании. — *Прим. перев.*

14. И под именем тайпинов они стали известны среди европейцев.

15. Об особенностях этого восстания смотри цитировавшиеся произведения, посвященные Китаю, и особенно произведение Россе, глава XIX.

16. Известно, что главным образом деятельность тайных обществ подготовила недавнюю революцию, которая свергла маньчжурскую династию. (Москва имеет в виду Синьхайскую революцию 1911 г. в Китае, которая низвергла правившую с середины XVII в. династию Цин и положила начало буржуазно-республиканскому периоду истории этой страны, продлившемуся до 1949 г. — *Прим. перев.*)

17. Партизанская война (исп.). — *Прим. перев.*

18. Смотри исторические труды Тьера («Консулат и империя») и исторические труды Торено, из которых Тьер почерпнул большей частью все то, что он написал о великом испанском восстании 1808 г.

19. Вольностей (исп.). — *Прим. перев.*

20. Предводитель (исп.). — *Прим. перев.*

21. Революционные традиции, характерные для определенных персон, как раз таки помогают объяснить нередкие при переворотах дезертирство и непоследовательность ряда их участников. Действительно, нередко происходило так, что люди, которые боролись за определенный принцип, после триумфа этого принципа продолжали бунтовать и бороться только потому, что чувствовали потребность в восстании и в борьбе.

22. Клубов (англ.). — *Прим. перев.*

23. Начиная с июля 1789 г., целые полки переходили на сторону революции. Впоследствии унтер-офицеров и солдат из них затащили в клубы, где их учили подчиняться любому пожеланию революционных комитетов, а не повиноваться приказам офицеров. Маркиз де Буиль, командующий восточной армией, который все же сумел подавить опасное военное восстание в Меце, писал в конце 1790 г., что армия, за исключением нескольких полков, разложилась, и что солдаты подчинялись партии беспорядков или всем тем, кто больше им платил, и это признавалось открыто (Смотри: «Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck». Paris, 1851, Lenormant).

24. Известные дни февраля 1848 г., в которые была свергнута монархия Луи Филиппа, стоили жизни 72 солдатам и 287 восставшим или зевакам.

25. Это сообщил все тот же Луи Блан, который после того, как он отверг в своей «Истории революции 1848 года» (Paris, 1870, ed. Lacroix) как оскорбительное предположение то утверждение, что республику тогда хотело лишь меньшинство, в том же труде (том 1, стр. 85) признает, что всеобщее голосование привело бы к результатам, направленным против республиканских институтов, и далее (том 2, стр. 3) он пишет буквально следующие слова: «Стоит ли из этого делать тайну? Большинство департаментов в феврале 1848 г. были еще монархическими». Также и Ламартин, говоря о впечатлении, которое произвела во Франции революция 1848 г., признает, что она имела «характер тревоги, сомнений, ужаса и страха, которые, возможно, никогда до этого не встречались в человеческой истории».

26. Смотри воспоминания Коссидьера. Префектура полиции была единственным учреждением, в котором был сменен низший персонал, прежняя муниципальная гвардия была распущена и заменена монтаньярами, старыми друзьями заговоров, баррикад и нового префекта, который потом произнес знаменитую фразу о том, что «создал порядок с помощью средств беспорядка».

27. О результатах этого революционного воспитания смотри: Villetard, «Insurrection du 1 mars», cap. I, Paris, 1872, Charpentier.

28. Одним из самых известных шпионов был де ла Одд, принадлежавший к числу вождей всех республиканских заговоров времени царствования Луи Филиппа и признавший после февральской революции 1848 г., что был тайным агентом полиции.

29. Одной из причин, благодаря которой парижские рабочие столь стойко сражались в июне 1848 г., как это объясняет Огюст Бланк в своей книге по истории революции 1848 г., был тот уровень организации, который существовал в национальных мастерских. Революционный элемент хорошо сражался также и в 1871 г., потому что он, являясь частью парижской Национальной гвардии, был хорошо вооружен, организован и обучен.

30. Смотри в первую очередь последний том «Histoire de la Monarchie Juillet» Тюро-Данжена.

Перевод с итальянского А.Б. Рахманова